
ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ ЧАЛМЕРСА ДЖОНСОНА

Д.Ю. Карасев

Кафедра истории и теории социологии
Социологический факультет

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, МГУ, 1-33, Москва, Россия, 119234

В статье осуществлена реконструкция процессуальной теории революции Чалмерса Джонсона, в основе которой лежит концепция разбалансировки ценностно-скоординированной социальной системы. Помимо структурного уровня Ч. Джонсон исследует революцию на уровне рационального политического выбора и уровне стратегий и тактик, что выражается в положении о случайности революционного процесса.

Ключевые слова: Чалмерс Джонсон; процессуальная теория революции; разбалансированная социальная система; дефляция власти; потеря легитимности; акселераторы; тотальные революции.

Теория революции Чалмерса Джонсона представляет собой пример построения общей теории революционного процесса на основе принципов структурного функционализма Т. Парсонса. Концепция Ч. Джонсона соединяет в себе анализ структурных компонентов революции с анализом ценностно-нормативного эквилибриума социокультурной системы и анализом случайных компонентов, привносимых релятивизмом взаимодействия и политического выбора революционных акторов. Принципиальное положение автора о случайности революционного процесса в методологическом плане противостоит тезису «гарвардской школы» социологии о необходимости изучения объективных структурных условий и результатов революции и в практическом плане фиксирует тот факт, что взаимодействия оппонентов в рамках революционного процесса служат предпосылками для их последующих действий, так что последние не могут быть поняты исходя из того положения дел, которое изначально существовало в качестве революционной ситуации.

Теоретические представления Ч. Джонсона о феномене революции изложены в его монографии «Революционные изменения» (1966) [12] и речи на собрании Американской ассоциации политических наук, вышедшей отдельной брошюрой, — «Революция и социальная система» (1964) [11]. Его работа «Крестьянский национализм и коммунистическая власть» (1962) [10] представляет собой историко-социологическое исследование китайской революции, в рамках которого «ценностно-скоординированная» концепция революции автора присутствует только на уровне концептуализации и разработки переменных анализа. Теория революции этого мыслителя и политического деятеля не получила освещения в отечественной литературе, несмотря на то, что на концепцию Ч. Джонсона ссылаются такие теоретики исторической социологии, как Т. Скочпол и Ч. Тилли [13. Р. 11—12; 14. Р. 2—15].

В работе «Государства и социальные революции» Т. Скочпол рассматривает теорию революции Ч. Джонсона как типичного представителя теорий «системно-ценностного консенсуса». Широкою известность и общественный резонанс полу-

чила его критика новой формы глобальной империи, в основе которой претензии Соединенных Штатов на мировое господство в результате поражения Советского Союза в холодной войне. Исследование последствий американского империализма изложено в его трилогии: «Возврат» (2001), «Скорбь империи» (2004) и «Немезида: Последние дни американской республики» (2007).

Построение теории революции Ч. Джонсон предваряет анализом методологических аспектов исследования данного феномена: выявлением комплексности онтологических значений, вкладываемых в понятие «революция», определением и концептуализацией, разработкой переменных и уровней анализа, как для исследования отдельного феномена, так и для сравнения различных революций. Понятие «революция» является комплексным и занимает определенную нишу среди понятий, описывающих организацию человеческого сосуществования, а также ее изменение. В традиции, ведущей свой отсчет от Эдмунда Бёрка, всегда существовали тенденции к упрощению концептуализации понятия «революция»: ее рассматривали как социальное изменение, как форму поведения людей вслед за «естественными историками» революции, как разновидность войны вслед за Т. Гоббсом, как разновидность «революционного чувства» вслед за Аристотелем, как разновидность политического насилия и т.д. Иногда термин «революция» использовали метафорически для обозначения чрезвычайно быстрых, широких и радикальных изменений.

Революция, по мнению Джонсона, — это особый вид социального изменения в силу того, что: а) включает вторжение насилия в социальные взаимоотношения и б) описывает поведение, нацеленное на наиболее общий уровень социального сосуществования людей. Автор *создает особую, социологическую* концепцию насилия, полагая, не грубость и жестокость основными его составляющими, поскольку некоторые революции были совершены без «рек крови и толп сирот».

В своем ценностно-нормативном определении насилия автор опирается на представление о социальном действии М. Вебера. Насилие, как и революция, является «антисоциальным действием»: «насилие — действие сознательно или бессознательно нарушающее действия других. Насилие — это также поведение, на которое другие не способны ориентироваться, или поведение, сознательно направленное на предотвращение ориентации и развитие стабильных ожиданий. Насилие необязательно жестоко, бесчувственно или является антитезисом эмпатии» [12. Р. 8—9]. Крестьянские восстания, городские беспорядки, военные перевороты, конспирации, осуществляемые революционными организациями, и внутренне поддерживаемые контрреволюции — все это является примерами восстаний (revolt) и революций (revolution), поскольку все они отмечены применением насилия со стороны определенных членов общества с целью социальных изменений.

Наконец, революция как насильственное изменение затрагивает наиболее общий уровень социального сосуществования людей. Джонсон предлагает разделять насильственные изменения по уровням, который они затрагивают: уровень «правительства» («government»), «режима» («order») и «сообщества» («community»).

Уровень правительства составляют формальные политические и административные институты, которые принимают решения и осуществляют их в рамках

данного общества. Простая замена персон на этом уровне — это восстание. Режим описывает фундаментальные правила политической игры в обществе. Демократия, диктатура, монархия, олигархия, федерализм, конституционализм представляют собой различные виды режимов. Насильственными изменениями, нацеленными на этот уровень, являются идеологические бунты и обычные революции. Уровень сообщества в целом составляет самый широкий уровень социальной организации и сознания, уровень, где фундаментальные ценности, ролевые наборы и разделение труда когерентны основным требованиям адаптации к среде. Этому уровню соответствуют редкие тотальные революции, которые Скочпол называет «Великими». В противном случае исследование революционного поведения в рамках традиции социологии революции упрощалось бы до «сравнительного изучения техник взятия власти».

Методологическим решением Джонсона, его главной теоретической интуицией служит правило изучать революции в целом или некоторого ее частного аспекта только в контексте социальной системы, в которой она произошла. Прежде чем выстраивать теорию изменения социального порядка, необходимо понять, как возможен порядок, как социальная система существует и воспроизводит себя. Исследование детерминант социальных изменений идентично исследованию детерминант социального порядка. Не менее важно понять, каким образом люди определенного общества могут добиться столь же радикальных перемен, как и в результате социальной революции, не прибегая к насилию. Необходимо изучать общества, выработавшие иммунитет к революциям, а также условия, в которых они теряют этот иммунитет. «Изучение общества и революции в каком-то смысле аналогично изучению физиологии и патологии: изучение условий болезни организмов связано со знанием условий здоровья. Потому построение теории функционального общества с необходимостью должно предшествовать теории революции» [12. Р. 1]. Кроме того, требование изучать революции только в контексте тех систем, где они произошли, не отрицает ценности историко-сравнительного анализа революций в различных системах. Так, методологическое требование Джонсона рассматривать революцию только в контексте той социальной системы, где она произошла, стало предшественником требования рассматривать революцию только в контексте культуры и цивилизации Ш. Эйзенштадта, работа которого вышла в 1978 г. [4].

Изучение революционного поведения в контексте социальной системы, в которой оно имело место, позволяет избегать распространенной ошибки рассмотрения его таким образом, будто оно является изолированным и дискретным феноменом. Привнесение социальной системы в изучение проблемы революционного насилия позволяет отличить насилие от легитимного использования силы внутри системы. В силу несовершенной интеграции или из-за функциональных проблем в организации все социальные системы обременены некоторой степенью насилия. Революция в этом свете — лишь одна из форм насилия.

Чертой, отличающей революционное насилие от преступлений, является оказываемая им коллективная социальная поддержка, которая не является следствием

силового принуждения. «Настоящая революция это не преступление — это применение насилия только в случае, если остальные методы исчерпаны» [12. Р. 13], — полагает Джонсон. По его мнению, «теорема Гоббса» о смене общественной формы и формы «войны всех против всех» является основой теории революции. Восставшие в этом свете представляются людьми, жаждущими лучшего будущего и готовыми ради него осознанно (или не совсем) вернуться к «войне всех против всех». Однако если революционное насилие будет представлять собой «донкихотство» или нечто неприемлемое для остальных членов социальной системы, то с ним следует обращаться как с преступлением.

Система также представляет собой точку отсчета для разделения войны и революции — революция внутрисистемна, а войны происходят между системами. Здесь Джонсон критически обращается к исследованиям Гарри Экштейна, который вместо понятия «революция» использовал более широкое понятие «внутренние войны» («internal wars») [6. Р. 133—163], пренебрегая правилом исследовать революцию в рамках социальной системы и теряя через это «след» исследуемого феномена. В чем Джонсон полностью разделял подход Экштейна, так это в острой необходимости дотеоретической концептуализации феномена революции. Кроме того, использование понятия «социальная система» также позволяет выделить и сравнить такие случаи политического насилия, которые не являются ни революциями, ни войнами, как то, образование нового государства. Экштейн пишет: «В случае нового государства... в наличии все возможности, отсутствует прежде разделяемая система норм, нет предустановленных институциональных структур, здесь, таким образом, нельзя говорить о внутренней войне (революции) в прямом смысле слова» [5. Р. 13].

Понятие скоординированной социальной системы, а также ее десинхронизации помогает разрешить головоломку «ритуального восстания» («ritual rebellion») в Зулуленд, описанную Максом Глукманом [7], и преодолеть тем самым ошибку, которая возникает в результате использования западных определений насилия и революции. Настоящее восстание никогда не бывает рутинизированным, ритуализированным, являясь на самом деле отказом от старой рутины, нарушением порядка.

Джонсон подтверждает свои доводы о революции этимологией термина и лингвистическим анализом его употребления. Так, английское слово «revolution» не совсем адекватно в выражении намеренного политического насилия. В этом политическом смысле оно не использовалось до позднего Ренессанса, когда Коперник назвал этим термином «обращение небесных тел», привнеся в понятие смысл, предполагавший в человеческих делах силы, сравнимые с нечеловеческими силами, управляющими Вселенной. Особенно интересной Джонсону представляется китайская этимология данного термина. В китайском языке слово «революция» является дополняющим к другому слову, означающему право правления, «легитимность» власти китайского императора, «право небес». Соединенные вместе иероглифы означают: «лишение небесного права». Наконец, свое современное значение понятие революции получило в период Великой Французской революции —

от известного пассажа, когда на свой вопрос о том, являются ли события, связанные с падением Бастилии, «восстанием» («*revolt*»), Людовик XVI получил ответ, что это «революция».

Кристаллизация термина революция в его современном значении применительно к началу Нового времени (модерна) и модернизации, одним из важнейших аспектов которой было формирование современной системы национальных государств, не означает, по мнению Джонсона, невозможности его применения к социальным системам, лишенным централизованной власти, оформленной в институты национального государства. В этом автор расходится с Ханной Арендт, по мнению которой «революции, собственно говоря, не существовали до современного времени, они представляют собой один из самых последних политических феноменов» [1. С. 2]. «Это верно, что домодерновые внутрисистемные конфликты не могут быть названы „революциями“, но революции непременно существовали до развития национальных государств. Существовал ряд домодерновых социальных систем с унифицированными ценностными структурами, но без единой властной структуры (например, средневековое христианство), и большая часть внутрисистемного насилия, которое там происходило, должно рассматриваться как бунт или революция скорее, чем война. Иногда внутрисистемное насилие было рутинизированным конфликтом в большей степени, чем бунтом или революцией (например, средневековые войны)» [12. Р. 14].

Революция как особый тип насильственных изменений, затрагивающих наиболее общий уровень социальной жизни, возможна лишь в разбалансированной, потерявшей равновесие социальной системе, в которой нормы и ценности рассинхронизировались с необходимостью адаптации к внешней среде. Поэтому концепцию революции Джонсон предваряет концепцией социального равновесия, эквилибриума социальной системы, в динамическом характере которого заложены основания потери этого равновесия («*disequilibriumed social system*»). Необходимо отметить, что равновесная социальная система, в представлении Джонсона, в точности, как и социальная система Парсонса, является ни чем-то реально существующим, но представляет набор индикаторов для анализа социального действия, и индикаторы эти остаются инвариантными от социальной статики к социальной динамике. Джонсон, в целом, дублирует основные выкладки Парсонса на этот счет, констатируя: «Отправной точкой в нашем анализе социальных изменений является модель функциональной социальной системы — системы, члены которой сотрудничают друг с другом, „исполняя“ различные „роли“, которые взятые вместе позволяют всей системе “функционировать”» [11. Р. 4].

«Мы привыкли говорить, что революции устраиваются для того, чтобы осуществить радикальные изменения. В действительности радикальные изменения закладывают основу для революций. Революционные настроения и характер порождаются раздражениями, трудностями, ненавистью и фрустрацией, неотъемлемо присущими осуществлению радикальных изменений. Там, где вещи не меняются вовсе, существует наименьшая вероятность революции» [9. Р. 4—5]. Эта цитата чрезвычайно важна для понимания феномена социальной революции Джон-

соном. По его убеждению, революция возможна только в таком обществе, которое подвержено радикальным изменениям и нуждается в дальнейших изменениях. Эта гипотеза о необходимости дальнейших изменений в качестве причины революции получила развитие в теории революции С. Хантингтона. Иными словами: вопрос не в том, почему революции происходят, а в том, почему люди веками, из поколения в поколение терпевшие муки и лишения, в конце концов все же восстают?

В течение многих лет ученые составляли перечни различных обстоятельств, приводящих к революционным ситуациям. В 1944 г. Луис Готтшалк предложил следующий перечень того, что в действительности может являться как причинами, так и последствиями революций: «нехватка земель, налогообложение, высокая плата за оказываемые и не оказываемые услуги, исключенность из определенного рода престижа или определенного рода учреждений, плохое управление, плохие дороги, коммерческие ограничения, коррупция, военное или дипломатическое поражение, голод, высокие цены, низкие зарплаты и безработица» [8. Р. 1—8]. Джонсон оценивает этот перечень как бесполезный безотносительно к конкретному обществу, конкретной исторической эпохе, а также безотносительно к определенным стандартам (оценкам людей).

Широко известна теория возросших и обманутых ожиданий А. де Токвиля, выведенная им на примере феодальной реакции на немного улучшившиеся социально-экономические условия непосредственно перед Французской революцией. Усовершенствованный вариант концепции возросших ожиданий находим в теории J-кривой Дж. Дэвиса. Еще одной разновидностью теории возросших ожиданий является взгляд, согласно которому причиной революции является неравное распределение дохода (например, концепция А. Мойзеля). Однако ни гражданская война в Америке, ни восстание Сацума в Японии не могут быть поняты в категориях войны бедных против богатых.

Дополняя подход к источникам социального изменения У. Мура, Джонсон выделяет два источника социального изменения или разбалансировки социальной системы — вызовы среды и необходимость институционализации новых ценностей, подразделяя каждый из источников на два — эндогенный и экзогенный.

Экзогенные источники изменения ценностей очень похожи. Глобальная коммуникация, возникновение внешних «референтных групп» (влияние Великой Французской и русской социалистической революций на соседние страны, воздействие возникших «черных» африканских республик на ценности «цветного» населения повсюду), внешняя мобилизация и миграция беженцев, вызванные войной, работа таких групп, как христианские миссионеры, коммунистические партии, пацифисты, ЮНЕСКО — все это ведет к культурному контакту, что может породить зависть. Эффект культурного контакта, разрушающий существующие ценностные структуры, зачастую бывает усилен экзогенными источниками инвайронментальных изменений (в особенности колониализмом). Таким образом, экзогенный источник изменения ценностей должен выделяться аналитически, в контексте узких временных интервалов или индивидуальных жизней.

Эндогенный источник изменения ценностей является настолько же привычным, однако его труднее концептуализировать. Он включает, например, замену религиозных властей секулярными правителями, как в раннесовременном христианстве и исламском мире; изменение в ценностях, которые преподносят как результат интеллектуального развития и принятия креативных инноваций. С эндогенным и экзогенным изменением среды все более очевидно: изменение климата, фауны, производственного базиса, урбанизация и т.п. Повлечет ли ценностно-инвайронментальная ресинхронизация за собой установление нового эквilibriumа или произойдет революция, в большой степени зависит от способностей ее лидеров, в том числе способности осознать тот факт, что система разбалансирована.

Свою макроуровневую концепцию причин социальных изменений Джонсон подкрепляет и микроуровнем анализом внутреннего напряжения личностной системы, которая не идентична социальной и возникает на пересечении культурной (социальной) и не-культурной (биологической, либидиальной, психологической) системы в индивидуальном локусе.

Необходимо отметить, что ряд культурных и психологических детерминант революции Джонсон заимствует у антрополога Энтони Уоллеса, который вместо «революции» предпочитает говорить о «ревитализации» культуры («cultural revitalization») [15. Р. 264—281]. Джонсон критикует «психологический редуционизм» психоаналитических попыток объяснения политического насилия в терминах вымещения в публичные сферы частных, в особенности детских невротических потребностей. Для теоретиков психоанализа всякая власть — это зачастую отец, а восстание против нее — ответ на страх кастрации, который бессознательно присутствует во всех перед лицом карающей власти.

Однако психологические данные, по мнению Джонсона, также должны использоваться в исследовании революций, поскольку повышенная личностная напряженность — один из несомненных индикаторов разбалансировки системы. Кроме того, личностные данные могут быть также использованы как на микро-, так и на макроуровне. Ключевыми психологическими концептами макроанализа личности применительно к революции является «модальная личность», «национальный характер», микроанализа — биография лидеров революции, психология последователей («истинно верующих» в терминологии Э. Хоффера).

Еще одной характеристикой разбалансированной социальной системы является тенденция общества к расколу на поляризованные группы интересов, поскольку члены системы начинают принимать идеологические альтернативы старой ценностной структуры. Под идеологией Джонсон понимает альтернативную ценностную структуру, которая становится яркой только в условиях разбалансировки и адресуется к этим условиям. Идеология в этом смысле может быть включенной в ценностную структуру исключительно в качестве орудия ресинхронизации системы, однако в качестве идеологии она всегда будет соперничающей, альтернативной парадигмой ценностей или контркультурой. Динамический элемент идеологии в этом свете состоит в том, что она преодолевает эффекты множественности ролей, исполняемых актерами, и ведет к обнажению и увели-

чению линий раскола. Без идеологии девиантные субкультурные группы были бы не способны организовать альянс. Наличие или отсутствие идеологии в качестве альтернативной системы ценностей отличает обычное восстание от идеологического восстания.

Непосредственное изучение революции требует многоуровневого подхода к проблеме политического насилия. Любая попытка сведения феномена революции исключительно к социальной структуре, политическому поведению, историческим обстоятельствам и т.п., по Джонсону, обречена на провал, поскольку является редуccionистской и поверхностной. В качестве причин революции Джонсон рассматривает два кластера переменных, первый из которых — «дефляции власти» («deflation of power») — связан в основном со структурными причинами революции, включая раскол элит, а второй — «потеря легитимности» («loss of authority») — с культурными и психологическими переменными, касающимися не только правящего класса, но и управляемых. Критическим здесь является вопрос о том, продолжают ли недевиантные акторы — личности, управляющие своим напряжением, происходящим из-за разбалансировки системы, верить в способность и компетентность элит по ресинхронизации системы.

Однако революция происходит только в случае срабатывания «акселераторов» революции («accelerators»), лишаящих элиты возможности воспользоваться военным подавлением или реформами и наделяющих революционеров уверенностью в том, что время решительных действий пришло. Джонсон выделяет три класса акселераторов в качестве наименее предсказуемых переменных.

1. Первый — военная слабость и беспорядок. Когда революционный класс начинает обретать силу, подрывая тем самым эффективность регулярных вооруженных сил — их дисциплину, организацию, состав или лояльность — революция происходит вне зависимости от того, существует ли революционная партия или нет.

2. Второй — абсолютная уверенность: вера, которой придерживаются протестные группы, в то, что они способны успешно преодолеть военное сопротивление элит. Такая уверенность может покоиться на допущении, что бог выступает на их стороне, или вовсе не иметь никаких оснований.

3. Третий — стратегическое действие: операции, запускаемые против военных сил элиты со стороны конспираторов, которые верят, что по той или иной причине время действовать пришло.

Особое внимание Джонсон уделяет акселераторам, связанным с вооруженными силами, поскольку, по его мнению: «исследование политической позиции вооруженных сил системы находится в центре любого конкретного исследования революции» [12. Р. 102]. Для того чтобы избежать действия «акселераторов» и поддержать уверенность людей, элиты должны сделать две вещи: осознать, что система разбалансирована, и предпринять соответствующие шаги по возвращению равновесия. Курс действий, открытый для лидеров систем, варьируется от консервативных изменений до их полной противоположности — полной непримиримости (примером консервативных изменений могут выступать «новый курс» в США, реформы в Англии 1832 г.).

Одной из наиболее распространенных форм «вполне адекватной» политики является понижение критериев социальной мобильности с целью включения в элиту актуального или потенциального руководства группы протестующих. Однако подобная либерализация критериев элитарности так же рано или поздно приводит к ресинхронизации систем ценностей. В случае потери авторитета и легитимности в глазах широких масс элитам остается применить силу, что является самым распространенным примером стратегий абсолютной «нетерпимости». В случае силовой интеграции разбалансированной системы угроза революции максимальна. Пока элитам удастся удерживать монополию на силу, социальная система продолжает существовать в разбалансированном, но целостном состоянии, медленно превращаясь в огромный концентрационный лагерь.

Революция по определению связана с применением насилия для изменения социальной системы, поэтому революционеры всегда вынуждены либо противостоять тем, кто обладает ресурсами принуждения и хорошо обучен внутрисистемному насилию, либо пытаются заручиться их поддержкой и переманить на свою сторону. Коротко перечислим переменные военного акселератора, анализируемые Джонсоном:

1) является ли статус военного, в частности, офицерский статус, одновременно статусом элиты или армия организована по-другому (наемные корпуса, армия иностранных оккупантов или отечественная армия, набранная из этнических субгрупп);

2) основана ли армия на универсальном призыве на военную службу, и какие ее части могут быть применены для подавления внутреннего восстания;

3) связь населения с армией, ослабляющая дух последней и позволяющая революционным установкам прокрасться в ряды армии;

4) напряжение и соперничество между различными родами войск;

5) раскол внутри элиты и промедление с приказом об использовании армии для подавления восстания;

6) слабость армии в результате поражения в войне и т.д.

Абсолютная уверенность восставших в возможность преодолеть вооруженное сопротивление элит в качестве акселератора может быть подкреплена или не подкреплена эмпирически. Иногда революционеры используют толпы и бунты, а также прочие неорганизованные, пограничные с нелегальными действия для проверки того, как срабатывает структура принуждения, а также для подсчета рисков. Интересным является наблюдение Джонсона о том, что история при этом не имела примеров революционной забастовки, которая переходила бы в вооруженный мятеж и затем в свержение правительства.

Автор приводит следующую схему, описывающую логику изучения революции как особого типа социальных изменений (рис. 1).

Еще одной перспективой изучения революции, имеющей немало общего с социологическим ее анализом, по мнению Джонсона, является перспектива политической философии революции. Последняя представлена у него на примере Джона Локка и Ханны Арендт.

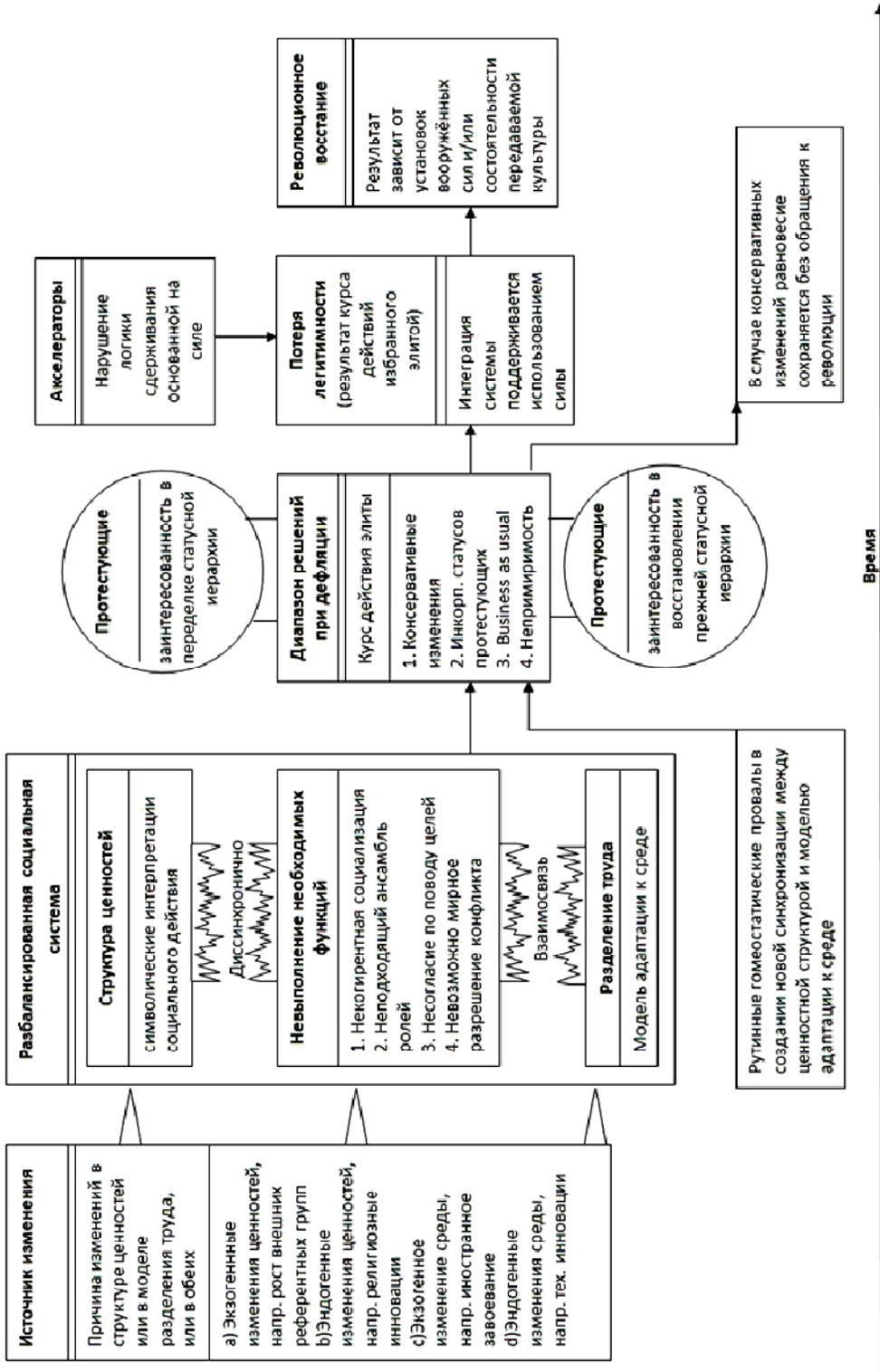

Рис. 1.

Источник: Johnson Ch. Revolutionary change. — London: University of London Press Ltd. 1968. P. 108.

У Локка Джонсона интересует концепция «права на мятеж», обоснованного узурпацией власти тираном, нарушающим условия ранее заключенного общественного договора. Через это изменения, производимые восставшими, носят защитный и восстанавливающий, а не инновационный характер, поскольку в качестве нарушителя исходного порядка, установленного общественным договором, рассматривается сам тиран. Цель обращения Джонсона к взглядам политических философов проста: показать, что парадокс революции в том, что, нацеленная на изменение существующей рутины, оканчивается она именно насаждением новой рутины и рутинизацией всего нового, если таковое вообще было привнесено революцией.

Вопрос о классификации напрямую связан с историко-сравнительным исследованием революции, его возможностями и ограничениями, а также классификацией подходов к изучению революции. Ответить на вопрос о классификации революционных изменений значит понять, что означает выражение: «Китайцы самый бунтарский и наименее склонный к революции народ мира». Разделение революционных событий в зависимости от уровня, который они затрагивают, было представлено выше.

Стоит еще раз обратить внимание на различие восстания и революционного восстания, а также на роль идеологии. Восставшие имеют своей целью смену персоны, находящейся у власти, что затрагивает политические, но не фундаментальные принципы социального порядка. В случае если восставшие имеют представления о том, как общество должно управляться и быть организовано (будь то воспоминания о том, каким образом оно управлялось до узурпации власти или воспоминания, переплетенные с идеалами, исторически никогда не реализуемыми), — в этом случае следует говорить об идеологическом восстании. «Когда цели повстанческой идеологии предполагают переплавку общественного разделения труда в соответствии с образцами, которые являются беспрецедентными для данной социальной системы, тогда мы должны назвать их революционными» [12. Р. 125].

Наконец, тотальные революции — «это тот тип изменений, которые в случае успеха трансформируют социальную систему из одного типа в другой, например, от феодализма к капитализму или от крестьянской общины к национальному обществу» [12. Р. 124—125].

Джонсон также приводит попытку классификации революции по основанию Э. Уоллеса: к первой группе революций относятся те, идеология которых исповедует возвращение традиционной культуры; вторая группа революций характеризуется импортом иностранной культурной системы; участники революции третьей группы утверждают, что создали утопию, которая прежде никогда не реализовывалась. Третья группа революций у Э. Уоллеса соответствует тотальным революциям Джонсона. «Мы можем дать абстрактно различные определения слов «восстание» и «революции», однако мы никогда не сможем сравнить революции в Алжире и во Вьетнаме, без изучения соответствующих алжирской и вьетнамской социальных систем» [12. Р. 131], — заключает автор.

Джонсон расширяет классификацию революций Уоллеса по идеологии, выделяя следующие классы: реформистские («Жакерия»), эсхатологические (милленаристские), формирующие нации (якобинская, коммунистическая), элитистские («конспиративный переворот») и националистические (военизированное восстание масс). Таким образом, Джонсон приводит четыре основания для классификации революций: помимо объектов революционной деятельности и целей или идеологии революции, рассмотренных выше, — это идентичность революционеров (массы, массы, возглавляемые элитами, или элиты), а также случайность/спонтанность революций. Говоря о случайности или необходимости революции как основании для классификации революций, Джонсон развивает идею Г. Экштейна, и в поздней редакции своей теории, поправляясь, относит эту характеристику к теориям, а не к самому феномену революции.

Необходимо отметить классификацию теорий революции автора, а также их критический обзор, ни в чем не уступающий широко известной в настоящее время классификации Джека Голдстоуна, который разделяет все теории революции на четыре поколения [2]. Джонсон выделяет четыре основных группы теорий революции.

Акторно-ориентированные теории (психоаналитические теории, теории фрустрации-агрессии Дж. Дэвиса и Т. Гарра) ставят вопрос: какого рода индивиды или группы совершают революционные действия и почему? Акторно-ориентированные теории никогда не могут предложить завершеного объяснения революционной ситуации, революционного насилия или результатов революции; они объясняют вещи, которые прочие теории зачастую игнорируют — например, напряжение между революционным авангардом и массами, вклад конкретных личностей в ход революции, или тот факт, что революционные лидеры практически никогда не рекрутируются из классов, которые сами рассматривают в качестве революционных акторов.

Структурные теории революции (теории С. Хантингтона, Б. Мура, Т. Скочпол) напрямую противостоят акторно-ориентированным теориям; они рассматривают революции в качестве вызовов, которые ставят перед нормальным или средним человеком аномальные ситуации. Отклоняющиеся от нормы индивиды, лидеры или партии не имеют места в этих теориях, как нет в них революционных идеологий или тайных операций. Эти теории исключают «человеческий фактор». Огромная сила данных теорий в их вкладе в понимание того, почему одни революции более важны, чем остальные. По этой причине они часто включают часть исторической социологии. Речь здесь идет о концепциях, которые видят «порядок или прогресс» в человеческой истории. Основная слабость данных теорий — в их неспособности иметь дело с политическим изменением, которое выпадает из их определений. Структурные теории обычно выделяют субкласс «истинных», «классических», «великих» революций, и в качестве революционного результата изменение не может быть интерпретировано до тех пор, пока несколько десятилетий или поколений не пройдут — т.е. до тех пор, пока не будет совершенно очевидно, внесло ли это событие вклад в демократизацию, модернизацию, перегруппировку классов, новый способ производства или можно ли маркировать критерий в качестве действительно революционного.

Интегративные теории (теории К. Бринтона, Н. Смелзера, Р. Даля), синтезирующие акторно-ориентированные и структурные теории, составляют мейнстрим исследований революций. Такие теории зачастую помещают революционные движения в более широкий контекст общественных движений, рассматривая первые как подкласс последних, возникающий в ответ на грозные препятствующие целям движений социальные изменения. Интегративные теории пытаются понять истоки общественных движений, их идеологический «контент», структурные аспекты, источники рекрутирования и вовлечения. Они также исследуют факторы, которые заставляют такие движения достигать социальных изменений посредством реформ, изменять общество через революцию, быть рутинизированными на меньшем уровне изменения или быть повергнутыми. Поэтому интегративные теории интересуются тем, как конкретный лидер и последователи собираются вместе, образуя движения, и что случается с таким движением. Они также подчеркивали «путь протекания», «жизненный цикл» или «стадии» революционных движений. На первом этапе исследования используется структурная переменная, например, расхождение между ценностями и разделением труда, далее — акторно-ориентированная переменная для объяснения, почему активисты (авангард) и последователи присоединяются к движению, и на финальном этапе вновь структурные переменные, детерминирующие вероятность, с какой движение станет революционным. Главная сила и главная слабость таких теорий проистекает из статистически незначимого числа примеров сравнения, а также из отказа или неспособности учитывать в качестве примеров те, что не удовлетворяют их схемам.

Процессуальные теории революции пытаются преодолеть ограничения интегративных теорий, придавая особое значение понятию случайности. Новая информация, ситуации, развивающиеся случайно, и их исходы никогда не могут быть предсказаны просто — ни на основе изначального положения дел, ни на основе объяснения истоков движения.

Свою теорию революции Джонсон относит к процессуальным и рассматривает революционный процесс на трех уровнях: уровень структурного искажения; уровень рационального политического выбора; уровень стратегий и тактик.

Уровень структурного искажения описывается автором в терминах степени синхронизации между ценностями общностей людей и ансамблями ролей, которые они принимают с целью адаптации к политической и экономической среде. На первом уровне определяется, насколько люди восприимчивы к разбалансировке нормативного порядка. Уровень рационального политического выбора детерминирует вид социального изменения, который будет результатом потери равновесия социокультурной системой. Одними из основных случайных факторов на этом уровне выступает структурная склонность системы к разногласиям по поводу собственности или надежности норм, единство правящего класса (включая готовность инкорпорировать протестующих в свои ряды), а также дисциплинированность и благонадежность вооруженных сил системы. В случае срабатывания непредсказуемых акселераторов происходит эскалация революционного насилия. Революционное насилие, наряду с прочими тактиками и стратегиями, анализируется

на третьем уровне. Уровни выделяются аналитически и не являются стадиями революционного процесса: один уровень может быть более насильственным, чем другой, однако, ни один не теряет своего случайного влияния до тех пор, пока революционный процесс не будет завершен. Более того, модель, представленная Джонсоном, намеренно не оговаривает направления связи между уровнями, предоставляя лишь средства для его исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аренд Х.* О революции. — М.: Издательство «Европа», 2011.
- [2] *Голдстоун Дж.* К теории революции четвертого поколения // *Логос*. — 2006. — № 5.
- [3] Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / Под ред. Л. Бляхера, Б. Межуева, А. Павлова. — СПб.: Алетейя, 2008.
- [4] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспект-Пресс, 1999.
- [5] *Eckstein H.* Internal War, Problems and Approaches. — N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1964.
- [6] *Eckstein H.* On the Etiology of Internal Wars // *History and Theory*. — 1965. — Vol. 4. — № 2.
- [7] *Gluckman M.* Order and Rebellion in Tribal Africa. — N.Y.: The Free Press, 1963.
- [8] *Gottschalk L.* Causes of Revolution // *The American Journal of Sociology*. — 1944. — Vol. 50. — № 1.
- [9] *Hoffer E.* The Ordeal of Change. — N.Y.: Harper Colophon Books, 1964.
- [10] *Johnson Ch.* Peasant nationalism and communist power. The emergence of revolutionary China 1937—1945. — Stanford: Stanford University Press, 1962.
- [11] *Johnson Ch.* Revolution and the social system. — Stanford: Stanford University Press, 1964.
- [12] *Johnson Ch.* Revolutionary change. — L.: University of London Press, 1968.
- [13] *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. — N.Y.: Cambridge University Press, 1979.
- [14] *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. — Reading: Addison-Wesley, 1978.
- [15] *Wallace A.* Revitalization Movements // *American Anthropologist*. — 1956. — Vol. 58. — № 2.

CHALMERS JOHNSON'S THEORY OF REVOLUTION

D.Yu. Karasyev

Chair of History and Theory of Sociology
Moscow State University

Leninskie gory, 1, bld. 33, Moscow, Russia, 119234

The author proposes a reconstruction of Chalmers Johnson's processual theory of revolution based on the conception of an unbalanced value-coordinated system. In addition to the structural level Ch. Johnson analyzes revolution on the levels of the rational political choice and revolution strategies and tactics, claiming randomness of the revolutionary process.

Key words: Chalmers Johnson; processual theory of revolution; unbalanced social system; deflation of power; loss of legitimacy; accelerators; total revolutions.

REFERENCES

- [1] *Arendt H.* О революции. — М.: Издатel'stvo “Европа”, 2011.
- [2] *Goldstone J.* К теории революции четвертого поколения // *Logos*. — 2006. — № 5.
- [3] Концепт “Революция” в современном политическом дискурсе / Под ред. Л. Влжяера, В. Мезхueva, А. Павлова. — СПб.: Алетейя, 2008.
- [4] *Eisenstadt Sh.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспект-Press, 1999.